

12. Karasik V.I. Jazykovye kljuchi. M.: Gnozis, 2009.

13. Karasik V.I. Jazykovej krug: lichnost', koncepty, diskurs. M.: Gnozis, 2004.

14. Karaulov Ju.N., Petrov V.V. Ot grammatiki teksta k kognitivnoj teorii diskursa // Dejk T.A. van. Jazyk. Poznanie. Kommunikacija: per. s angl. / pod red. V.I. Gerasimova; sost. V.V. Petrova; vstup. st. Ju.N. Karaulova i V.V. Petrova. Izd. 2-e. M.: LENAND, 2015. S. 5–12.

15. Kljuev E.V. Rechevaja komunikacija: uspešnost' rechevogo vzaimodejstvija: ucheb. posobie dlja un-tov. M.: Ripol klassik, 2002.

16. Lubskij A.V. Diskurs istoričeskij // Teorija i metodologija istoričeskoj nauki: terminol. slovar'. M.: Akvilon, 2014. S. 93–95.

17. Min'jar-Beloručeva A.P. Rol' konceptual'nyh metafor v istoričeskom diskurse // Gercenovskie čtenija. Inostrannye jazyki: materialy Vseros. mezhevuz. nauch. konf. (14–15 maja, 2015. S. 11–13.

18. Musaeva E.M. Kognitivnyj analiz sposobov metaforičeskogo predstavlenija koncepta AMERIKANSKAJA NACIJA v istoričeskom narrativnom diskurse (na materiale anglijskogo jazyka): dis. ... kand. filol. nauk: 10.02.04. SPb., 1997.

19. Selezneva L.V. Napravlenija i podhody v teorii diskursa // Diskurs i stil': teoreticheskie i prikladnye aspekty: kol. monografija / pod red. G.Ja. Solganika [i dr.]. M.: FLINTA: Nauka, 2014. S. 94–102.

20. Tosh D. Stremlenie k istine. Kak ovladet' masterstvom istorika. M.: Ves' mir, 2000.

21. Ferro M. Kak rasskazyvajut istoriju detjam v raznyh stranah mira. M.: Knizh. klub 36.6, 2014.

22. Homutova T.N. Integral'naja teorija diskursa // Magija INNO: novoe v issledovanii jazyka i metodike ego prepodavanija. M.: MGIMO-Universitet, 2015. S. 115–121.

Historical discourse: institutional characteristics

The article deals with the component structure of the historical discourse in the paradigm of the institutional discourse. The historical discourse is regarded as an independent variety with specific features. The article covers such pragmalinguistic characteristics of the historical discourse as the features of communicative situation, communication participants and their aims, strategies characteristic for the historical discourse.

Key words: *typological characteristics of the historical discourse, communicative strategies, historicaldiscourse, discursive formulas, discourse, institutional discourse.*

(Статья поступила в редакцию 12.02.2016)

А.Н. ДОЛГЕНКО, М.С. КОСЫРЕВА
(Москва)

ГЛОБАЛИЗМЫ КАК ПРОБЛЕМА ИНТЕРЛИНГВИСТИКИ И РУСИСТИКИ

Вводится термин «глобализм» для обозначения слов, сходных в фонетическом (и/или графическом) отношении и совпадающих по значению (полностью или частично) в глобальном и глобально значимых языках. Анализируется содержание понятия, обозначенного данным термином. Определяются проблемы и перспективы исследования глобализмов в русском языке.

Ключевые слова: глобальная коммуникация, интернациональная лексика в русском языке.

Термином «глобализмы» мы обозначаем слова, сходные в фонетическом (и/или графическом) отношении, совпадающие по значению (полностью или частично) в глобальном и глобально значимых языках. Поскольку лингвистической глобалистикой давно установлено, что диалог культур на рубеже XX и XXI вв. развивается под знаком глобализации «западной» культуры и что инструментом ее распространения является английский язык, понятие «глобальный язык» сегодня неоспоримо связано именно с английским. При характеристике понятия «глобально значимый язык» необходимо учитывать, что оно де-факто соотносимо в родовидовом аспекте с понятием «язык международного общения», но не совпадает с понятием «наиболее распространенный язык», которым традиционно оперирует интерлингвистика.

К числу наиболее распространенных языков современного мира, по данным ЮНЕСКО, относятся (в порядке убывания количества носителей языка) китайский, испанский, английский, хинди, бенгали, португальский, русский, японский, немецкий и французский языки. Как видим, глобальный язык всего лишь третий в этом своеобразном рейтинге. Однако в основных сферах современной межкультурной коммуникации (экономика, политика, наука, спорт и др.) он доминирует. По-настоящему глобальной межкультурная коммуникация стала лишь в эпоху Интернета, ставшего и инструментом, и посредником, и пространством, и объектом, и, возможно, даже субъектом коммуникации.

В этой ситуации показатель количества носителей языка не является достаточным основанием для определения глобальной значимости последнего. На первый план выступает показатель количества «пользователей» того или иного языка в глобальной коммуникации. В данном случае мы исходим из общего значения слова «пользователь», зафиксированного «Большим толковым словарем русского языка» под редакцией С.А. Кузнецова: «Лицо или учреждение, пользующееся чем-л.» [5]. Отметим также, что уровень владения конкретным языком в глобальной коммуникации оказывается факультативным показателем и зависит не в последнюю очередь от коммуникативной активности.

Дефиниция критериев глобальной значимости языка еще не устоялась в современной интерлингвистике. Однако наиболее репрезентативными нам представляются разработки Национальной академии наук США. В 2014 г. группой ученых из Великобритании, США и Франции в рамках исследовательского проекта, реализуемого Национальной академией наук США на базе Калифорнийского университета Беркли, был разработан и представлен новый метод оценки глобальной значимости международных языков [13]. Исследователи построили карту контактов основных языков планеты и выяснили, что китайский и арабский, несмотря на значительно превосходящее другие наиболее распространенные языки мира количество говорящих, уступают по влиянию в глобальной коммуникации не только английскому, но и другим европейским языкам. Взаимосвязи мировых языков ученые определили на основе трех типов данных. Это информация о 2,2 млн переведенных с 1979-го по 2011 г. книг, учтенных в базе данных ЮНЕСКО «Index Translationum», сведения о редакторах Википедии, участвовавших в написании статей на нескольких языках (были обработаны данные 2,5 млн редакторов, работавших над 382 млн статей), и данные по 1 млрд твитов, опубликованных с декабря 2011-го по февраль 2012 г. (связи отслеживались по наличию двух и более языков в одном twitter-аккаунте). По данным указанной международной группы ученых, глобальная карта влияния языков имеет квазиерархическую структуру: «центральный» узел коммуникации, разумеется, английский, окруженный «узлами второго порядка»: немецким, французским, испанским, русским и португальским. Именно эти шесть языков и являются глобально значимыми в начале XXI в.

Следует отметить, что английский язык как центральный узел глобальной коммуникации является основным поставщиком новых слов и значений. Возможно, пока и единственным. Так или иначе, в настоящий момент (к концу 2015 г.) все лексические единицы, пополнявшие корпус глобализмов в начале XXI в., – англицизмы (пришедшие из английского языка либо как источника, либо как посредника). Именно это является одной из причин, по которой мы не можем воспользоваться для анализа интересующего нас явления более привычным для науки о языке термином «интернационализм». Одной, но не единственной.

Как известно, первые опыты изучения интернациональной лексики относятся к началу XX в. и связаны с именами А. Мейе, Э. Рихтера, О. Есперсена, В.М. Жирмунского. Однако, несмотря на вековую историю исследования, в лингвистике до сих пор нет единого понимания феномена интернационализмов – как на уровне терминологического определения, так и на уровне свойств. По мнению Т.Р. Левицкой и А.М. Фитермана, «интернациональными являются слова, которые в более или менее одинаковой языковой форме, грамматическом оформлении и смысловом содержании встречаются в ряде языков» [8, с. 99–100]. В.В. Акуленко предлагает оперировать более точными величинами при квалификации того или иного слова как интернационализма. Исследователь предлагает считать интернационализмами «лексемы, сходные до степени идентификации в графическом или в фонетическом отношении с полностью или частично общей семантикой, выражающие понятия международного значения и сосуществующие в нескольких (практически не менее трех) синхронически сопоставляемых языках (в том числе неродственных или неблизкородственных)» [1, с. 61–62]. Определение, данное Ю.А. Бельчиковым в «Лингвистическом энциклопедическом словаре», трактует интернационализмы как «слова, совпадающие по своей внешней форме (с учётом закономерных соответствий звуков и графических единиц в конкретных языках), с полно или частично совпадающим смыслом, выражающие понятия международного характера из области науки и техники, политики, культуры, искусства и функционирующие в разных, прежде всего неродственных (не менее чем в трёх) языках» [3]. Как видим, автор энциклопедического определения оперирует термином «слово», а не «лексема», но снимает требование грамматического тождества, выдвигая на первый план нерод-

ственность и количество языков (как минимум, три), в которых функционируют интернационализмы. Однако тематическое ограничение интернациональной лексики областями «науки и техники, политики, культуры, искусства» представляется несколько анахроничным. В любом случае очевидно, что принятым критериям квалификации слова как интернационализма глобализмы соответствуют, но ими не исчерпываются. Это позволяет нам в анализе глобализмов в русском языке использовать исследовательский арсенал, накопленный лингвистикой при анализе интернационализмов. Однако здесь не все так однозначно.

Долгое время нерешенным оставался вопрос о системном статусе интернационализмов: не было согласия относительно того, признавать ли данные лексемы исконными, либо относить к разряду заимствованных. Так, например, Р.А. Будагов (1974) противопоставляет заимствования и интернационализмы, в то время как В.В. Акуленко (1972, 1976), К.А. Левковская (1962) настаивают на включении интернационализмов в заимствованную лексику. Как представляется, здесь налицо разноплановость слова как объекта лингвистического анализа в этимологическом и функциональном аспектах. Некоторые интернационализмы включены в состав исконных слов (интернационализм *кредит* – для итальянского языка, интернационализм *спутник* – для русского языка, интернационализм *брокер* – для английского языка, интернационализм *хараккири* – для японского языка и т.д.). Одновременно интернационализмы невозможно приравнять к заимствованиям. Отнюдь не вся заимствованная из французского языка английская лексика носит интернациональный характер, как и не все англицизмы или галлицизмы в русском языке являются интернационализмами. Показательна в данном отношении позиция Л.П. Гикал (2005), по мнению которой интернационализмы отличаются от простых заимствований, которые возникают при контакте языков, прежде всего тем, что выражают понятия международного значения и именно поэтому имеют широкую сферу распространения. Решающую роль при квалификации интернационализмов играют и степень распространения того или иного слова, и интернациональный характер самого явления, обозначенного претендующим на интернационализм словом. Однако данный показатель в диахронии оказывается нестабильным, ведь возможны случаи, когда в считанные годы широта распространения и, как следствие, интерна-

циональный «потенциал» слова существенно увеличиваются или уменьшаются (например, в русском языке англицизм *фастфуд* с приходом и распространением одноименной культуры стремительно перешел из класса экзотизмов в класс интернационализмов).

Таким образом, дихотомия «исконный – заимствованный» актуальна только для анализа интернационального пласта лексики конкретного языка. Тем не менее для характеристики интернационализмов традиционно применяется ряд критериев, выработанных именно для описания заимствованных слов. Одним из таких критериев является фактор освоенности лексемы тем или иным языком. В отечественной лингвистике сложились параллельные терминологические системы для оценки заимствованных слов по степени интегрированности в систему языка-реципиента: «укоренившиеся» – «неукоренившиеся» [6, с. 492], «полностью ассимилированные» – «ассимиляция которых не закончилась» [10, с. 61], «усвоенные и освоённые» – «усвоенные, но не освоённые» [11, с. 13]. Существуют различные точки зрения на качество и количество этапов ассимиляции заимствованного слова в системе языка-реципиента. Наиболее дробную классификацию предлагает Л.П. Крысин, выделяющий пять этапов освоения иноязычного слова [7, с. 142–161]:

1) употребление иноязычного слова в его исконной орфографической (а в устной речи – в фонетической) и грамматической форме, без транслитерации и транскрипции, в качестве своеобразного вкрапления;

2) приспособление его к системе заимствующего языка; транслитерации и транскрипция, отнесение к определенной части речи; употребление иноязычного слова в тексте в кавычках, с оговорками и комментариями;

3) период, когда носители языка перестают ощущать непривычность иноязычного слова, оно теряет сопроводительные сигналы и комментарии и начинает употребляться «на равных» с другими словарными единицами родного языка, однако в этом употреблении могут сохраняться жанрово-стилистические, ситуативные и социальные особенности;

4) этап утраты жанрово-стилистических, ситуативных и социальных особенностей, этап стабилизации значения, который предполагает семантическую дифференциацию исконных и заимствованных слов, близких по значению, установление между ними отношений дополнительной дистрибуции;

5) кодификация иноязычного слова. Непосредственным объектом нашего анализа становятся интернациональные иноязычные слова, включенные в процесс деривации, обросшие «производными» либо установившие мотивационно-словообразовательные отношения в языке-реципиенте.

Нам представляется более продуктивным в аспекте анализа глобализмов в русском языке подход В.Р. Богословской, в соответствии с которым иноязычное слово, приходя в язык-реципиент, проходит несколько стадий интеграции, которые могут осуществляться параллельно:

- фонетико-графическая адаптация;
- грамматическая адаптация;
- лексико-семантическая адаптация;
- функциональная адаптация [4].

Пройдя данные стадии, иноязычное слово становится полноправным элементом лексической системы языка-реципиента. Выводы В.Р. Богословской для нас особенно ценны потому, что ее анализ лексико-семантической и функциональной адаптации заимствований выполнен на материале спортивной лексики, которая носит ярко выраженный интернациональный характер.

Отметим отдельно, что фактор включенности в деривационные процессы также расценивается исследователями как важнейший показатель освоенности иноязычного слова. Так, например, В.М. Аристова рассматривает деривационный фактор как одно из оснований для констатации завершающей стадии ассимиляции заимствованного слова (корня). Для этого завершающего этапа характерно полное подчинение нормам заимствующего языка, в том числе – нормам деривационного развития (лексического, семантического, стилистического) [2, с. 8–11]. Появление у заимствованного слова внутренней формы становится ключевым лингвистическим сигналом для его переоценки и придания ему нового статуса полноценной лексической единицы: «... обычно слова-заимствования идут по пути от слова-ярлыка, отмечающего новое, еще чужое явление (ср.: *кемпинг* в первый период его функционирования в русском языке), к слову-наименованию, ассимилированному русским языком: *кемпинг* (без пояснений) – *кемпинговый* (производное от *кемпинг*). В дальнейшем уже в системе заимствующего языка заимствованное слово может приобрести функцию характеристики-оценки (сравнения). В этом случае заимствованный неологизм становится мотивированным знаком: он раскры-

вает свою внутреннюю форму или получает определенное осмысление, не всегда абсолютно совпадающее со значением в языке-источнике» [12, с. 16–17]. При этом необходимо отличать установление заимствованным словом окказиональных мотивационных связей, в том числе в результате так называемого «народно-этимологического» (ложноэтимологического) переосмысления, от формально-семантического развития по стабильным деривационным моделям языка. Однако и отрицать продукт деривации в процессе языковой игры нельзя – это такой же факт языка, как и кодифицированная лексика. Это в максимальной степени относится к языковому наполнению глобальной интернет-коммуникации.

В терминосистемах основных сфер жизнедеятельности в большинстве языков мы часто встречаем лексические единицы, совпадающие по значению и имеющие близкий фонетический облик (насколько эта близость возможна у неблизкородственных языков). Не случайно автор энциклопедического определения интернационализмов отмечает: «Развитие фонда интернационализмов в 20 в. идёт под знаком количественного роста и расширения сферы распространения, что связано с усилением интернационализации социально-экономических процессов, научно-техническим прогрессом, ростом международного научного и культурного обмена. Удельный вес интернационализмов в ряде языков достаточно велик (например, в активном словаре русского, английского, немецкого, французского языков их более 10%)» [3]. Однако в ситуации языковой глобализации на первый план выходит не изрядное количество, а принципиально новое качество некоторых интернационализмов.

В начале XXI в. в условиях глобальной англоязычной коммуникации, прежде всего в Интернете, новые слова и значения, появляющиеся в английском языке, стремительно проникают в лексические системы множества языков. Через глобально значимые языки эти слова и значения транслируются в другие языки и обеспечивают себе узнавание и понимание не только в пределах какого-то ареала (интернационализмы-европеизмы, интернационализмы-американизмы и т. д.), но и в масштабах всей планеты – в глобальном масштабе. Именно такие слова мы именуем глобализмами.

Термин «глобализм» до настоящего времени в русском языке зафиксирован в двух значениях. Приведем статью нормативного толкового словаря:

«ГЛОБАЛИЗМ, -а; м. только ед. 1. Политика и практика государства, основанные на праве вмешиваться во внутренние дела других стран с позиций общечеловеческих ценностей, в навязывании своей воли странам с иной культурой. *Захватнический, открытый г. Доктрина глобализма. 2.* =Глобальность. *Г. проблемы сохранения живой природы.* <Глобализмы, -ов; мн. Общемировые, общечеловеческие проблемы. *Мыслить глобализмами*» [5].

Мы используем данный термин (в значении, еще не зафиксированном словарями) для наименования слов, сходных в фонетическом (и/или графическом) отношении, совпадающих по значению (полностью или частично) в английском и еще пяти глобально значимых языках. Поскольку одним из пяти глобально значимых языков является русский [13], представляется весьма актуальным и принципиально важным исследование глобализмов в русском языке.

В настоящее время М.С. Косырева завершает определение лексического состава глобализмов в русском языке на материале сравнения национальных корпусов глобального и глобально значимых языков. В дальнейшем необходимо будет проанализировать глобализмы в аспекте адаптации, функционирования и деривационной интеграции в русском языке. Полагаем, результаты ее исследования позволят оценить удачность и работоспособность заглавного рабочего термина данной работы.

Список литературы

1. Акуленко В.В. Существует ли интернациональная лексика? // Вопросы языкознания. 1961. № 3. С. 61–75.
2. Аристова В.М. Англо-русские языковые контакты (англицизмы в русском языке). Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1978.
3. Бельчиков Ю.А. Интернационализмы // Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В.Н. Ярцева. М.: Сов. энцикл., 1990.
4. Богословская В.Р. Структурно-семантическая и функциональная адаптация заимствований (на материале спортивной лексики английского и русского языков): дис. ... канд. филол. наук / Волгоград. гос. пед. ун-т. Волгоград, 2003.
5. Большой толковый словарь русского языка / гл. ред. С.А. Кузнецов. СПб., 2014.
6. Будагов Р.А. Введение в науку о языке (18–20 вв.). М.: Просвещение, 1965.
7. Крысин Л.П. Иноязычное слово в контексте современной общественной жизни // Русский язык конца XX столетия (1985–1995). М., 1996. С. 147–154.

8. Левицкая Т.Р., Фитерман А.М. Пособие по переводу с английского языка на русский. М., 1973.

9. Левковская К.А. Теория слова. Принципы ее построения и аспекты описания лексического материала. М.: Наука, 1962.

10. Сидоров Г.М. К проблеме освоения русским языком лексики немецкого происхождения // Уч. зап. Куйбышев. гос. пед. ин-та им. В.В. Куйбышева. 1994. С. 57–68.

11. Реформатский А. А. О некоторых вопросах терминологии // Сборник докладов и сообщений лингвистического общества. VI. Калинин, 1974.

12. Романов А.Ю. Англицизмы и американизмы в русском языке и отношение к ним. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2000.

13. Ronen S., Gonçalves B., Kevin Z.H., Vespignani A., Pinker S., César A. Hidalgo Links that speak: The global language network and its association with global fame // Processing of the National Academy of Sciences of the United States of America. 2014. Vol. 111. № 52.

* * *

1. Akulenko V.V. Sushhestvuet li internacional'naja leksika? // Voprosy jazykoznanija. 1961. № 3. S. 61–75.

2. Aristova V.M. Anglo-russkie jazykovye kontakty (anglicizmy v russkom jazyke). L.: Izd-vo Leningr. un-ta, 1978.

3. Bel'chikov Ju.A. Internacionalizmy // Lingvisticheskij jenciklopedicheskij slovar' / gl. red. V.N. Jarceva. M.: Sov. jencikl., 1990.

4. Bogoslovskaja V.R. Strukturno-semanticheskaja i funkcional'naja adaptacija zaimstvovanij (na materiale sportivnoj leksiki anglijskogo i russkogo jazykov): dis. ... kand. filol. nauk / Volgograd. gos. ped. un-t. Volgograd, 2003.

5. Bol'shoj tolkovyj slovar' russkogo jazyka / gl. red. S.A. Kuznecov. SPb., 2014.

6. Budaгов R.A. Vvedenie v nauku o jazyke (18–20 vv.). M.: Prosveshhenie, 1965.

7. Krysin L.P. Inojazychnoe slovo v kontekste sovremennoj obshhestvennoj zhizni // Russkij jazyk konca XX stoletija (1985–1995). M., 1996. S. 147–154.

8. Levickaja T.R., Fiterman A.M. Posobie po perevodu s anglijskogo jazyka na russkij. M., 1973.

9. Levkovskaja K.A. Teorija slova. Principy ee postroenija i aspekty opisanija leksicheskogo materiala. M.: Nauka, 1962.

10. Sidorov G.M. K probleme osvoenija russkim jazykom leksiki nemeckogo proisshozhdenija // Uch. zap. Kujbyshev. gos. ped. in-ta im. V.V. Kujbysheva. 1994. S. 57–68.

11. Reformatskij A. A. O nekotoryh voprosah terminologii // Sbornik dokladov i soobshhenij lingvisticheskogo obshhestva. VI. Kalinin, 1974.

12. Romanov A.Ju. Anglicizmy i amerikanizmy v russkom jazyke i otnoshenie k nim. SPb.: Izd-vo S.-Peterb. un-ta, 2000.

Globalisms as the issue of interlinguistics and Russian philology

The article introduces the term “globalism” to denote the words similar in phonetics (and/or graphics) and coinciding in meaning (fully or partially) in global and in globally significant languages. The authors analyze the notion defined by this term. The issues and prospects of globalisms research in the Russian language are determined.

Key words: *global communication, international vocabulary in the Russian language.*

(Статья поступила в редакцию 05.02.2016)

Я.А. ВОЛКОВА, Н.Н. ПАНЧЕНКО
(Волгоград)

ТИПОЛОГИЯ ДЕСТРУКТИВНЫХ КОММУНИКАТИВНЫХ ЛИЧНОСТЕЙ

В рамках теории деструктивного общения анализируется понятие деструктивной коммуникативной личности, предлагается классификация деструктивных коммуникативных личностей, в основу которой положен критерий формы реализации деструктивного поведения. Коммуникативное поведение представителей каждой из выделенных групп (хам, клеветник, шантажист, ревнивец, сплетник) рассматривается с точки зрения типичных коммуникативных тактик и приемов реализации поставленной коммуникативной цели.

Ключевые слова: *деструктивное общение, коммуникативная личность, коммуникативная тактика, коммуникативный прием.*

Центральным элементом любого типа общения выступает личность. Личности адресата и адресанта – два важнейших элемента общения, связывающих воедино все существующие характеристики коммуникативного процесса. С конца прошлого века личность человека говорящего – языковую личность – начали активно разрабатывать в лингвистике, она стала предметом многочисленных исследований. Существующие модели языковой личности (например, модель Ю.Н. Караулова и

Г.И. Богина) включают уровни, относящиеся к области ее функционирования непосредственно в коммуникации [8; 1]. Именно в коммуникативной лингвистике зародилось представление о языковой личности как о личности «коммуникативной». По мнению С.Г. Воркачева, понятие *коммуникативная личность* включено в понятие *языковой личности*: под языковой личностью понимается и человек «как носитель языка, взятый со стороны его способности к речевой деятельности, т. е. комплекс психофизических свойств индивида, позволяющий ему производить и воспринимать речевые произведения – по существу личность речевая», и «совокупность особенностей вербального поведения человека, использующего язык как средство общения, т. е. личность коммуникативная», и закрепленный преимущественно в лексической системе базовый национально-культурный прототип носителя определенного языка, своего рода «семантический фоторобот», составляемый на основе мировоззренческих установок, ценностных приоритетов и поведенческих реакций, отраженных в словаре, – личность словарная, этносемантическая [3, с. 64–73].

Близких взглядов придерживается В.И. Карасик, полагающий, что языковая личность в условиях общения может рассматриваться как личность коммуникативная – как «человек, существующий в языковом пространстве – в общении, в стереотипах поведения, зафиксированных в языке, в значениях языковых единиц и смыслах текстов» [6, с. 8]. Ученый предлагает трехкомпонентную модель коммуникативной личности, включающую ценностный, познавательный и поведенческий аспекты [Там же, с. 26]. Данный подход представляется нам наиболее плодотворным, ибо позволяет обратиться к типовой коммуникативной личности, реализующей свои коммуникативные намерения в деструктивном типе общения.

Коммуникативная личность есть одна из ипостасей человеческой личности, и ее коммуникативное поведение в деструктивном общении – лишь одно из возможных проявлений. Различные виды дискурса (бытовой, бытийный, разновидности институционального – см. [5]) требуют некоторой (иногда весьма существенной) дифференциации коммуникативного поведения. Это относится и к деструктивному коммуникативному поведению, в котором статусные характеристики играют ключевую роль при выборе стратегий и тактик деструктивного общения.